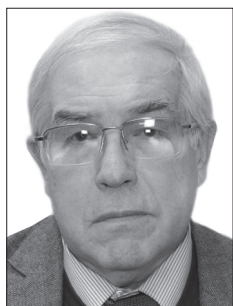

Ю.М. РЕЗНИК, В.Н. ШЕВЧЕНКО*

ФИЛОСОФИЯ КАК ПУБЛИЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: МНЕНИЯ ЗА И ПРОТИВ

***Аннотация:** В настоящей статье, построенной в форме диалога, рассматривается широкий круг вопросов, связанных с попыткой введения в научный оборот современных философских исследований концепта «публичная философия». В отличие от общепринятого словосочетания «философия в публичном пространстве», которое обозначает выступления профессиональных философов перед широкими кругами населения, перед публикой, публичная философия играет роль идеологии, которая рассчитана, в первую очередь, на политически активных граждан и которая довольно жестко определяет границы существования и практической реализации демократических свобод в обществе. Публичная философия включает в себя конкретный набор базовых ценностей и смыслов, определяющих суть цивилизации.*

***Abstract:** This article, built in the form of a dialogue, addresses a wide range of issues related to the attempt to introduce the concept of «public philosophy» into the scientific circulation of modern philosophical research. In contrast to the common phrase «philosophy in public space», which refers to the public performances of professional philosophers, the public philosophy plays the role of ideology, which is designed, first of all, for politically active citizens and quite strictly defined limits of the existence and practical realization of democratic freedoms in society. Public philosophy includes a specific set of basic values and meanings that unconditionally determine the essence of civilization.*

***Ключевые слова:** идеология, публичная философия, национальная философия, общенациональное согласие, российская (русская) цивилизация, философский плюрализм.*

***Keywords:** ideology, public philosophy, national philosophy, national consensus, Russian (Russian) civilization, philosophical pluralism.*

Философия в публичном пространстве или публичная философия?

***Резник Юрий Михайлович:** Владимир Николаевич! Это наша первая беседа, хотя о её возможности мы говорили с Вами много раз. Я намеревался побеседовать с Вами о*

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru;

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). Заслуженный деятель науки РФ. E-mail: vladshevchenko@mail.ru.

предмете социальной философии, о чём мы договаривались несколько месяцев назад. Но предлагаю Вам отложить этот разговор до следующей встречи. Сейчас меня волнует другое. Недавно мне на глаза попались Ваши статьи о публичной философии [2; 3; 4]. И после знакомства с ними я не смог остаться равнодушным. У меня появилось острое желание обменяться мнениями по этому поводу. Я знаю, что наряду с публичной философией обсуждаются возможности становления популярной, гражданской и иных версий практического применения и публичного продвижения философского знания.

Один из вопросов, которые Вы задаёте в своих статьях себе и коллегам: зачем нужна обществу публичная философия? Вы считаете, что философия расширила формы своей активности в обществе. Я не говорю о моде на философию. Она как пришла, так и уйдёт. Но я не вижу особой активности философов по сравнению с прежними временами. Напротив, эфирное время занимают преимущественно депутаты, политологи и общественные деятели. Философы нынче не в чести. Их не зовут на шоу-программы. И к их мнению, как правило, редко прислушиваются, хотя время от времени наши государственные деятели любят цитировать философских классиков.

Владимир Николаевич! Откуда у Вас взялась уверенность, что сегодня настало время философии? И что широкая (или более избранная) публика готова к восприятию философских истин, пусть даже в популярной форме? Заранее извините, если я невольно искажаю Ваши представления.

Шевченко Владимир Николаевич: Должен, прежде всего, сказать, что в 2012 г. в Институте философии РАН стартовал совместный проект Института философии и Миланского свободного университета – семинар «Философия в публичном пространстве». 20 марта в рамках семинара первый доклад на тему «Кому сегодня нужна философия» сделал доктор философских наук Вадим Межуев. По его словам, помимо вопроса «что сегодня называть философией», для России более злободневным является вопрос: что понимать под публичным пространством? Есть ли вообще публичное пространство в России? В течение нескольких лет на семинаре с докладами выступил целый ряд сотрудников Института философии. В докладах и последовавших за ними дискуссиях участники семинара обсудили большое количество вопросов о месте и роли философии, а также философов в современном обществе, и по мере возможностей дали на них свои ответы.

А в 2015 г. Московско-Петербургский философский клуб опубликовал коллективный доклад Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию на тему «Философия в публичном пространстве современной России: институциональные аспекты». Это труд содержал не только концептуальные размышления, как написано в аннотации к публикации, на тему значимости гуманитарных наук для будущего нашей страны, роли и места философии в публичном пространстве, но и предлагал практическое решение – создать Национальный философско-просветительский центр (см. прим. 2).

Мое выступление о возможности и целесообразности создания публичной философии в те годы преследовало гораздо более скромные цели. И вкратце речь идет у меня только об одном из аспектов действительно многогранной и концептуально богатой темы «Философия в публичном пространстве». Публичная жизнь граждан – это открытое (на виду у всех присутствующих) их взаимодействие между собой, которое можно охарактеризовать как обсуждение и диалог, одобрение или критику, сомнение или восторг, призыв к действию и т.д.

Публике интересно, конечно, знать, зачем нужна академическая (профессиональная) философия, почему на неё нужно тратить деньги налогоплательщика. Но в целом публика всегда испытывала и испытывает постоянное любопытство и интерес к тому, о чем пишут и спорят философы. В недавнем прошлом он в значительной степени удовлетворялся публичными лекциями известных философов, изданием многочисленных популярных книг и брошюр. Высоко ценились и ценятся те авторы, которые умеют рассказывать о профессиональных занятиях философов доступно и занимательно.

Но ситуация резко изменилась в последние десятилетия. Общество, кажется, привыкло теперь к сугубо прагматистскому использованию понятия философии. Постмодернистская культура особенно преуспела в создании большого числа микрофилософий. Появились философии обуви, автомобиля, шопинга, еды и много чего другого. В последнее время практически к любой профессии, тем более к повседневным социальным практикам, дизайнеры способны придумать красивую философскую виньетку. Мода на философию стала знаковой приметой времени. Но самая главная особенность последних десятилетий состоит в том, что взаимоотношения между публичной сферой жизни и социально-гуманитарными науками, в т.ч. и философией, претерпевают фундаментальные изменения.

Интересно, что помимо публичной социологии в последние десятилетия появились публичная история, публичная медицина, целый ряд других «публичных» дисциплин, не говоря уже про публичную политику, с появления которой, кажется, и начался этот процесс.

К примеру, в самом общем смысле публичная социология появляется, когда социология вступает в диалог с группами общественности. Такая социология взаимодействует с конкретными организациями рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из замкнутой на себя сферы в публичное пространство, сделать их идеи видимыми и полезными. Ученым нужно быть готовыми взаимодействовать с ними через открытый диалог.

Похожая ситуация сложилась вокруг публичной истории, «public history». Есть отечественные вузы, не говоря уже про зарубежные, и я об этом пишу, которые стали читать курсы публичной истории. А какой широкий набор проблем обсуждается в том направлении исследований, которое называется публичная медицина!

Следовательно, есть публичная политика, но нет публичной политологии и философии, и я пытаюсь объяснить сложившуюся здесь ситуацию. Так что существует некоторая матрица становления публичной формы существования той или иной социальной науки, которая проявляет себя в процессе постоянного взаимодействия с общественными организациями в публичном пространстве. Хотя ситуация, которая складывается в связи с появлением публичных социальных дисциплин, имеет как позитивные, так и негативные последствия для академической повестки дня, для выбора приоритетов исследований в этих дисциплинах.

Поэтому речь у меня идет вовсе не об изложении философских истин в популярной форме, а о каких-то новых, причем довольно радикальных сдвигах, которые не получают достойного внимания в кругу философов, как теоретиков, так и особенно методологов.

Ю.М.: Не знаю, как Вы, но я придерживаюсь в этом вопросе того же мнения, что и У. Липман. Всё враждебное западной либеральной демократии надо не уничтожать, а

поддерживать и укреплять как ростки или островки «нового», незападного мира. Думаю, что Вы со мной согласитесь: не всё в мире базируется на ценностях западной цивилизации, которая ведёт себя к тому же агрессивно по отношению к иным культурам. Достаточно привести пример информационной изоляции и экономической блокады России, которую организовал коллективный Запад во главе с США. К тому же в философии появляются такие протестные течения, как деколониальный поворот, антиглобализм, транскультурализм, критика модерна, ориентализм, альтермодернизм и пр., которые переосмысливают ценностные основания западной цивилизации, вырабатывая противоядие против её культурного доминирования.

Нам давно нужно понять, что дело заключается не в политических или экономических разногласиях с Западом и даже не в неприязни путинского режима, а в принципиальном различии способов смыслополагания. Россия начинает просыпаться ото сна, освобождаясь от иллюзий либерально-демократического братства и преодолевая шаг за шагом свою идейную зависимость от Запада. Это уже осознали многие страны и народы, стремящиеся избавиться от ига глобализации по-американски.

Чем тогда объясняется Ваша увлеченность публичной философией, которая, будучи детищем либерализма, продолжает ослаблять нашу идейную иммунную систему, культивируя идеологическую всеядность и навязывая вместе с тем псевдоценности глобализма?

В.Н.: Весь этот пассаж основан на недоразумении. Трудно сказать, что публичная философия есть детище либерализма, если не иметь в виду сам термин. Тогда и публика есть тоже детище либерализма, а вот публичное пространство — это, мол, совсем другое.

Суть вопроса заключается в том, что философия в публичном пространстве не ориентирована на постоянное взаимодействие с какими-то конкретными организациями граждан и оказания им помощи. Я ее понимаю как современное философское просвещение или как высоко квалифицированную экспертную деятельность. При этом я ссылаюсь на работу С.Н. Плотникова, много лет прожившего в Германии. Он пишет о том, что сегодня публичный интеллектуал — это скорее профессионал, обсуждающий в публичном пространстве какие-то конкретные проблемы, но не готовый или не намеренный транслировать в это пространство некое мировоззрение. Поэтому и получается, что основное внимание уделяется просветительской деятельности философов, которая, конечно же, является важной функцией философии как социального института.

Давайте говорить не просто о философии как особого рода интеллектуальной деятельности, а о философии как социальном институте. Изменения в решении этого вопроса носят далеко не однозначный характер. Но все-таки есть не просто общество, а есть проблема национальной безопасности современного общества или, точнее, государства, которое живет в постоянном поле нарастающих угроз, вызовов и ответов и для которого достижение общенационального согласия, сохранение общества как целостного социального организма, обретение и удержание в контексте растущих процессов глобализации своей цивилизационной идентичности являются делом первостепенной важности.

Ю.М.: Я не знаю, что Вас, Владимир Николаевич, увлекает в публичной философии, но для меня она звучит как нарицательное имя — что-то вроде женищины легкого поведения. Ну почему обязательно искать в философии аналог идеологии и находить его в лице публичной философии? Ведь идеологическая функция и так свойственна философии. Её

не нужно изобретать заново. Я не знаю философии, которая бы не занималась идеологической деятельностью, как бы её адепты это тщательно не скрывали. Пример — пост-модернизм, отрицающий в принципе всякую философию, но идеологически поддерживающий тот порядок, который сейчас устанавливается в Европе, включая мультикультурализм и всякие иные течения, размывающие традиционные ценности западной цивилизации.

*Зачем Вам, Владимир Николаевич, человеку левоконсервативных убеждений, при-
мыкать к весьма сомнительному течению, идейному изобретению современной западной философии, которая потеряла своё первородство и выродилась в подобие жалкой идеологии? Неужели нельзя честно сказать, что философия должна вернуть себе статус деятельности, которая должна вырабатывать интегративную идеологию общества? Стоит ли вообще использовать термин «публичная философия»?*

В.Н.: Мое обращение к давней работе американского политического и морального мыслителя У. Липмана, вышедшей в середине 1950-х гг., имела целью вовсе не пропаганду сомнительного течения. Речь идет об изучении западного опыта, тех технологий, как это модно сейчас говорить, которые оберегали и оберегают западное общество от разрушительных выступлений как левых, так и правых движений, способствуют сохранению стабильности и дальнейшему развитию общества. Эти технологии находятся на службе у власти, которая по-прежнему принадлежит крупному капиталу, теперь уже олигархам, руководителям ТНК и финансовым организациям.

В современной России нет национального согласия по базовым ценностям, и это является не просто большим тормозом на пути нашего дальнейшего движения, но и реальной угрозой, которая вполне способна привести к распаду теперь уже Российской Федерации. Далеко не случайно были приняты правовые меры против открытых, т.е. публичных призывов к сепаратизму, к отсоединению. Философы в своей массе не любят и не хотят обсуждать эту проблематику. Если истина для них дороже национальной государственности, как заметил один немецкий философ в прошлом веке, то обсуждать действительно нечего. Но мы научены горьким опытом недавнего прошлого.

Прошло почти тридцать лет с момента распада СССР, а общенационального согласия до сих пор в стране нет. Обсуждать можно и нужно причины этого несогласия, пути его преодоления на любом теоретическом уровне, и философия в состоянии проникнуть вглубь предельно общих смыслов национального бытия, обнаружить онтологические константы российского государства и общества в целом. Эта проблема поставлена перед нами с предельной остротой. Поэтому я и хотел обратить особое внимание на то, чем привлек меня У. Липман. Для нашей страны очень актуально то, о чем он пишет. У. Липман, в частности, отмечает, что нужно восстановить это объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс имеет в западном обществе место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее специфику западной цивилизации, когда имеется консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности.

А каков набор ценностей и жизненных смыслов, который определяет сегодня своеобразие российской цивилизации? Его можно раскрывать по-разному. Можно

спорить об этом. Философия в своей публичной функции должна стремиться к тому, чтобы выработать набор таких ценностей. Важно понимать, что если в российском обществе такого согласия нет, то никакая борьба между политическими партиями не приносит и не может принести серьезных положительных результатов. Каждый остается при своем и ждет своего часа «наклонить» государство. Дальше можно не продолжать.

Ю.М.: Владимир Николаевич! *Согласен с Вашими доводами. Проблемы национальной безопасности надо обсуждать публично, в т.ч. и с участием философов. Но меня по-прежнему смущает происхождение публичной философии. Ведь Вы сами сказали, что о том, как при помощи такой философии западные политические технологии «оберегали и оберегают западное общество от разрушительных выступлений как левых, так и правых движений, сохранению стабильности и дальнейшему развитию общества». Если это так, то зачем использовать уже занятый термин, предложенный, тем более, нашими идейными противниками. Можно ведь использовать другое, более адекватное по смыслу название, например, понятие гражданской философии, которое характеризует просветительскую миссию философии и её практическое применение. С постановкой проблемы достижения национального согласия в современной России я согласен. Именно этим, на мой взгляд, могла бы и заниматься гражданская философия в отличие, скажем, от гражданской религии, которая на примере США сохраняет символы веры и включает в себя комплекс идей и ритуалов, принимаемых большинством граждан в качестве священных.*

Продолжая тему идеологической роли философии, я хочу Вам задать ещё один вопрос. Нужно ли прибегать к выражению «публичная философия», которое выросло на иной идейно-теоретической почве, если Вы уточняете дальше его значение и подразумеваете под таким названием совершенно другое понятие? Речь ведь идёт о поиске интегративной платформы, на которой можно объединить представителей разных политических сил и течений. Вы ведь имеете в виду создание философии общенационального единства. Так почему бы не называть её своими словами, а не обращаться к неустоявшемуся направлению — «публичной философии», которая выражает взгляды современных буржуа, следующих очередной философской моде? Такая философия лишь камуфлирует и скрывает противоречия между различными социальными слоями общества — между богатыми и бедными, господами и слугами, властью и народом. Именно в этом смысле её называли и называют «служанкой буржуазии».

Я бы не стал поручать публичным философам такую важную проблему, как выработка общенациональной стратегии развития. Для решения практических задач вовсе не обязательно создавать упрощённую версию философии. Достаточно привлечь профессиональных философов, способных работать в междисциплинарной команде наряду с другими специалистами. На философию ложится ответственность за мировоззренческое и методологическое обоснование стратегии. Никто лучше философов не сможет осмыслить такой цивилизационный проект, как «Россия». Вы ведь сами, Владимир Николаевич, признаёте Россию в качестве особой цивилизации. И Вы подчеркиваете, что версия публичной философии У. Липмана, соотносящаяся с базовыми характеристиками западной цивилизации, нам не подходит [2, 15]. Разве не так? Неужели таким сложным проектом должны заниматься «популяризаторы» и «дилетанты» вроде него?

В.Н.: Последний абзац весьма характерен. Это не моя, это Ваша точка зрения, с которой мне так не хочется полемизировать. Вы бы не стали поручать публичным философам проблему выработки национальной стратегии развития. А я разве об этом

пишу? Не обязательно создавать упрощенную версию философии для решения практических задач. А я что, к этому призываю? Ничего подобного. Во всех Ваших рассуждениях отсутствует один, но самый главный базовый элемент — это граждане, или народ, или люди-жители, становящиеся время от времени электоратом.

Что показывают социологические опросы последнего времени? Об этом я писал подробнее в статье «Левое измерение современного российского общества» (см. прим. 3). Население по своим ценностным ориентациям делится примерно на три равные части. Одна треть, так или иначе, вписалась в рынок и получает от этого индивидуальные выгоды. Другая часть — жители городов индустриального этапа развития — продолжает разделять социалистические ценности, унаследованные из советского прошлого. В головах третьей части населения, живущей в сельском местностях, традиционное, советское и постсоветское образуют сложные и причудливые амальгамы, но советское присутствие очень сильно. И на всю эту сложную мозаику ценностей накладывается резкий поворот в процессах глобализации, когда центр или центры социально-экономического и политического развития смещаются с Запада на Восток.

С точки зрения нелюбимого вами У. Липмана (и мной тоже), публичная философия играет огромную роль в сохранении жизнеспособности западного общества, выступая прочной нитью (если не канатом), связующей воедино отдельные части или слои данного общества, и она жестко определяет границы допустимости либерально-демократических свобод. С помощью самых различных мер, в т.ч. и репрессивного характера, все политические движения, и левые особенно, но также и правые, принуждаются к соблюдению этих ценностно-идеологических рамок.

Вот как на Западе достигается стабильность, и с помощью философии в том числе. А что делать нам, если нет общенационального согласия? Определение и обоснование базовых ценностей цивилизации — есть дело философии или нет? У нас с историей философии все в порядке, а с философией истории (и социальной философией), кажется, совсем наоборот. Конечно, сегодня широко применяется цивилизационный подход в отечественном социально-гуманитарном знании, но он решает только часть проблем, потому что Россию с философской точки зрения следует рассматривать не просто как цивилизацию, а как «государство-цивилизацию», а это далеко не одно и то же.

О соотношении профессиональной и публичной философии

Ю.М.: Владимир Николаевич! То, что Вы сказали выше, заслуживает поддержки и понимания. То, что Запад использует разные средства и технологии воздействия на сознание своих граждан, манипулируя их интересами, не является секретом.

Обратимся теперь к специфике академической (профессиональной) философии, которую Вы детально анализируете в своей статье [2]. Здесь Вы, Владимир Николаевич, солидаризируетесь с А.А. Гусейновым в том, что надо искать пути перевода профессионального языка философии на общедоступный язык. Не спорю. Есть же популярная математика или популярная физика. Почему бы не разработать учебные пособия по популярной философии? У нас уже имеется опыт преподавания философии для детей.

Наверное, сделать философию популярной возможно, но донести до широкой публики глубокий смысл её положений будет непросто. Не все тексты поддаются популяризации. Да и не каждый язык нуждается в упрощённом переводе.

Владимир Николаевич! Стоит ли пользоваться «переходниками» и «копиями», если имеется замечательный оригинал (аутентичные философские тексты)? Мыслящая пуб-

лика и настоящие любители философии предпочитают обращаться именно к нему, а не к дешевым подделкам. К тому же истинных ценителей философских произведений не так уж и много. И профессиональные философы выступают для них в качестве экспертов, носителей аутентичного знания, а не участников шоу под названием «Публичная философия». Еще раз подчёркиваю, что я не против добротной популяризации философских идей. Но этим тоже должны заниматься профессионалы, преуспевающие в деле философского просвещения и образования.

В.Н.: Здесь важно различать две вещи. Профессиональная академическая философия в основном ориентирована на изучение историко-философского процесса. Она по возможности избегает тесных контактов с конкретной политикой, и в общем, это правильно. К работам академического характера обращается мыслящая публика и настоящие любители философии. Никаких путей перевода оригинальных текстов на общедоступный язык для этой категории читателей и не следует создавать. Но есть и более широкая категория читателей, интересующихся философией, и для них нужны философские популярные книги. Умение это редкое, и удачной продукции не так уж много. Но что касается публичной философии, то речь идет совсем о другом.

Так как Россия никак не может выбрать дальнейший вектор развития, то это с особой остротой ставит вопрос о состоянии национальной философии в стране. Сначала несколько слов о том, как понимать, что такое национальная философия. В самом термине «национальная» имеется некоторая двусмысленность. Национальные государства в Западной Европе появились в эпоху становления капитализма, и все они принадлежали и принадлежат к единой западной (евро-атлантической) цивилизации. Глубокие различия между конкретными философскими системами, приоритеты в исследовательских целях в том или ином европейском государстве не отменяют их глубокого цивилизационного единства. Когда идет речь о национальной философии больших государств-цивилизаций, таких, как Китай или Россия, то здесь есть немало своих особенностей.

Философский плюрализм в современной, постсоветской России стал неоспоримым фактом. В стране есть сторонники, наверное, всех главных философских направлений, существующих на Западе и не только там. Но в этой увлеченности российских философов плюрализмом содержится большая опасность потери философией своего национального лица. В реальности в масштабах нашего общества происходит процесс поглощения или утопления отечественной (национальной) философии западной философией. Наша философия страстно желала войти в западную семью философов на равных. Она полностью вписала себя в западный интеллектуальный контекст. Это поглощение имеет много обоснований, но если говорить очень кратко, то нормы проверяемости и доказательности, которые сложились в философских исследованиях на Западе, настойчиво предлагаются всему отечественному обществу, которое, приняв их, надежно впишет себя в западный интеллектуальный контекст. Все это постепенно ведет к потере главной роли философии в обществе — роли интегратора многообразного отечественного научного знания, и это обстоятельство чувствуется сегодня в российском обществе на каждом шагу в философии, науке, политике, в повседневной жизни.

Философия на академическом уровне есть не только совокупность отдельных философских систем со своими школами, учителями и учениками. В этой совокупности всегда можно выделить целый ряд имен, принадлежащих к такому философс-

кому направлению, которое в своей совокупности выражает цивилизационное начало, цивилизационную сущность российской (русской) цивилизации. Хотя каждый автор может понимать ее по-своему. Такое направление следует считать главным направлением исследований — то есть мейнстримом (mainstream), который отчетливо просматривается в историческом развитии философии в каждой стране. Без преувеличения можно сказать, что национальная философия есть часть, но самая существенная часть профессиональной отечественной философии.

Если философия есть духовное самосознание эпохи, то в каждую новую историческую эпоху появляются новые имена и новые идеи, которые дают более богатое и разностороннее философское представление, прежде всего, о сущности собственной цивилизации. Самотождественность и изменяемость суть две неотъемлемые составляющие процесса философского осмысления сущности российской цивилизации, осмысление ее культурных констант.

В философской литературе многих стран постоянно ведутся дискуссии по вопросу о том, может или не может существовать единая мировая философия. Некоторые авторы считают, что есть единая философия, а конкретные национальные философии выступают как ее различные проявления. Другие утверждают, что единая универсальная философия может вырасти лишь в результате взаимодействия национальных философий, тем более, что контакты между ними становятся все более многообразными и глубокими.

В одной из последних публикаций в российской печати на вопрос «существует ли мировая философия?» дается вполне однозначный ответ: «никакой мировой философии не существует, да, кажется, и в принципе существовать не может, есть только национальные философии. О мировой философии можно говорить только как о совокупности разнообразных решений мировоззренческих проблем, накопленных за все время существования философии. Философ может внести свой “вклад” в эту совокупность, только опираясь на определенную национальную культуру и ее традиции» (см. прим. 4).

Отличительную черту каждой национальной философии составляет обоснование этико-социального идеала совершенного устройства общества. Может ли этот идеал или, как часто сегодня говорят, проект, носить всеобщую, общечеловеческую природу? Да, поскольку этот идеал, созданный на национальной почве, обращен к человечеству в целом. И движение к этому идеалу осуществляется, по крайней мере, в рамках обозримого будущего посредством его реализации на национальной почве.

Ю.М.: *Владимир Николаевич! Спасибо за развернутый ответ.*

До сих пор я обходил вопрос о том, кто же такой публичный философ и чем он отличается от академического философа. Возможно, именно данное обстоятельство повлияло на то, что я не воспринял «дух» публичной философии и даже в какой-то мере увидел в ней лжефилософию. Давайте всё-таки разберемся.

Кто же такой публичный философ? Вы пишете: «Публичный философ — это такой профессионально подготовленный философ, который отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисс в ходе обсуждения весьма острых политических проблем» [2, 16]. Но почему именно политических, а не социальных или экономических? Неужели публичный дискурс относится только к политике?

Второй довод касается логических оснований публичного дискурса. Здесь, на Ваш взгляд, нужны властители дум, которые умеют не только убеждать, но и порождать

дискурсивные практики. Но у нас их мало или совсем нет. И одной из причин этого является «определенная политика власти». Вы настаиваете на том, что философы способны вопреки всему решить проблему идентичности, объединяющей людей на основе идеи национального согласия. Думаю, что между этим стремлением публичной философии и реальной политикой действующей власти зияет пропасть, которую преодолеть силами одних философов невозможно. Увы, у нас нет традиции ведения публичного дискурса и условий для участия в нём академических или вузовских философов. Без решения «внутренних» проблем последние вряд ли смогут участвовать и в строительстве общемировой цивилизации. Нам бы свою цивилизацию построить, причем на собственных основаниях. Нет у нас и традиции «сверхдетерминации политики философией», которая присуща западному гражданскому обществу.

Одним словом, я убежден, что в мире нет «общечеловеческих» ценностей», чтобы строить на их базе единую цивилизацию. Однако имеются американские, европейские, российские, китайские и прочие ценности, которые в разной степени интегрированы в процессы глобализации. Время строительства мировой цивилизации ещё не пришло, а значит, и философы пока не могут объединяться на этой почве. У них слишком разные основания и стартовые возможности.

И еще один Ваш довод. Публичная философия превращает политическое в неполитическое явление, в решение «конкретных жизненных вопросов». Она представляет собой идеологическое построение, содержащее основные черты российской цивилизации. И в этом, а также в расширении границ человеческой свободы и в утверждении смысло-жизненных ценностей состоит, на Ваш взгляд, её подлинная сущность. Хорошо, чтобы это было так.

Мне в одинаковой степени чужды чрезмерная политизация и идеологизация философии, с одной стороны, и её академическая стерильность и негражданственность, с другой. Должен согласиться с Вами в том, что Россия как цивилизационный проект вносит свою лепту в пространство свободного развития человека и в дело строительства всемирной цивилизации. Подчёркиваю, всемирной, а не общечеловеческой. Термин «всемирный» означает соединение на основе принципов коэволюции и взаимодополнительности разных цивилизаций, которые различаются между собой особыми способами смыслополагания.

И здесь возникает ещё один принципиальный вопрос: чем должны, на Ваш взгляд, заниматься отечественные (академические и публичные) философы в общем деле строительства российской цивилизации? Какова миссия профессионального публичного философа в современном российском обществе?

В.Н.: На многие вопросы, которые вы только что задали мне, я уже ответил раньше. Не буду повторяться.

Наверное, нужно проводить различие между публичной философией и публичными философами. Нет, наверное, отдельной такой профессии – быть публичным философом. Это одна из ипостасей в профессиональной деятельности. Я хотел бы здесь сказать о другом.

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет ещё и другую сторону, которая связана с преподаванием философии в учебных заведениях. Имеется в виду преподавание философии не для будущих специалистов – профессиональных философов, об этом нужно вести отдельный разговор, а для лиц, получающих первое высшее образование. Философия выступает для них как существенная

часть общего гуманитарного образования, на которую постоянно покушаются чиновники разных уровней.

Стремление создать для учебного процесса некоторую единую систему философского знания является вполне понятным и оправданным. Единая система знаний необходима потому, что при чтении лекций, семинарских занятий и т.д., тем более, в рамках огромного института или университета, необходимо не просто оценивать знания, но и иметь возможность сопоставлять знания слушателей, обсуждать вопросы преподавания, выпускать методические пособия — работа, которая сегодня оставлена практически без внимания. Можно привести огромное количество примеров, когда преподаватели самовластно, т.е. самовольно и произвольно изменяют содержание не только отдельной темы. Но и курса в целом. Часто возражают здесь в том смысле, что главное — это вызвать интерес к предмету, а что остается от предметного содержания отдельной темы, зависит от того, как обстоятельства сложатся. Это возражение очевидно несостоятельно, хотя порой диктуется сиюминутными обстоятельствами.

Главное требование к философии, которое предъявляют к ней студенты (слушатели разных форм обучения), состоит в том, что они хотят получать конкретные ответы на волнующие их вопросы. Применительно к философии на вопросы о том, как жить в современную эпоху, к каким целям стремиться, куда идет человечество, и есть ли надежда на достижение достойной жизни и в чем она может выражаться. И вдруг им, ещё не постигшим философские азы, предлагают разные, а то и прямо противоположные философские ответы на животрепещущие вопросы и предлагают выбрать тот из ответов, который им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Подобная постановка образовательного процесса противоречит самим целям образования и приводит к печальным последствиям как с точки зрения престижа философии («всё, что она может дать слушателям — это предложить набор ответов и сказать — выбирай»), так и состояния ценностных ориентиров слушателя («хаос и мешанина вместо понятной для них картины жизни»).

Эту философию для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Её назначение также состоит в том, что она обязана давать слушателям понятные ответы на реальные вопросы, которые стоят перед ними. Поэтому создание учебного курса как достаточно целостной системы философского знания есть, помимо всего прочего, и особое искусство. Оно заключается в том, как и что выбрать из огромного объема знания, накопленного академической, профессиональной философией, какую философскую школу, направление или их некоторую совокупность предпочесть с тем, чтобы учебный курс как система был созвучен эпохе, явился бы для студента нефилософских специальностей и постижением, и выражением её смысла, ведущих тенденций развития российского общества и современного мира в целом.

Публичная философия и академическая философия — это как бы две стороны одной медали. Академическая философия — предмет занятий профессионального сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависит от того, что может предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Без её новых выдающихся достижений, расширения границ человеческой свободы, обретения человеком все более сложных смысложизненных ценностей, человечество рано или поздно обречено на вырождение.

Ю.М.: *Философия всегда, начиная с момента своего возникновения, находилась в сложных отношениях с властью. Должна ли, с Вашей точки зрения, она выполнять идеологическую миссию? Ведь Вы подчеркиваете, поддерживая позицию А.А. Гусейнова, что философия представляет собой, помимо прочего, этико-политический проект [2, 14].*

Недавно в нашем институте прошел цикл семинаров на эту тему. Выступили с разных позиций известные философы: Э.Ю. Соловьев, В.М. Межуев и А.В. Рубцов. Каково Ваше мнение на этот счет? В чем Вы согласны и не согласны с докладчиками? Ведь у Вас не было возможности высказать развернутые представления? А нашим читателям будет интересно узнать Вашу точку зрения.

В.Н.: Названные вами философы не столько критикуют друг друга, сколько излагают свое собственное видение, поскольку многообразие аспектов проблемы просто поражает воображение. Но в позициях Межуева и Соловьева при всех различиях имеется и нечто общее. Моя точка зрения больше тяготеет к тому, что называется у Рубцова практической идеологией.

В.М. Межуев в своих рассуждениях исходит из марксовской мысли о том, что идея и есть отношение между людьми, как бы мысленно освобожденное от своей материально-вещественной оболочки, а идеология — способ «перевода» этого отношения с языка вещей на язык идей. Классическая философия Нового времени есть в основе своей идеология буржуазного или гражданского общества. Классическая философия прямо связана с основными идеологиями, возникшими после Французской революции — либерализмом, консерватизмом и социализмом.

В современной ситуации глубокой трансформации общества идеология одержала победу над философией. Уход философии из идеологии особенно заметен в политической сфере. Философия в своей значительной части демонстрирует отказ от создания какой-либо новой идеологии, обращенной к конкретному классу или партии, она претендует, скорее, на роль некоторой разновидности интеллектуального чтения для узкого круга его ценителей. Наступило время, когда идеология на Западе, да и в нашей стране, уже не нуждается ни в какой философии. И хорошо известно, что представляют собой такого рода идеологии.

Теперь, что касается точки зрения Э.М. Соловьева. В качестве материала для критики он избрал отечественную идеологическую продукцию, известную «всем и каждому». Как он считает, ортодоксы враждующих идеологических верований похожи на людей, которые по тайному сговору то и дело спускают друг на друга духовно родственные компрометирующие тексты. На всё это философия как критика идеологий должна ответить борьбой за дискурсивность речи и императивом логической ответственности.

Привлекает внимание четко сформулированное определение идеологии. Идеология — это доктринально оформленное ложное сознание, которое, как правило, а) выдает известный частный, особенный интерес за всеобщий; б) предъявляет относительные, исторически обусловленные истины в качестве безусловных и даже абсолютных («истин в последней инстанции»); в) сообщает своим определениям и ключевым констатациям амбицию руководящих текстов. Идеология может содержать в себе истинное знание и даже в большом объеме. Но все дело в том, что истинное знание присутствует в идеологии как вмонтированное в обман.

Высказывание «философия как критика идеологий» Соловьев рассматривает как очищение сознания. Последнее может осуществляться в двух режимах. Экстериор-

ная критика ложного сознания — это критическое нападение на чужое сознание. Что касается интериорной критики, то это — работа по очищению своего собственного сознания от извращенных или усвоенных человеком заблуждений. Раньше всего — от самообманов.

Философия в ее противостоянии идеологиям — это, прежде всего, просто философствование, т.е. увлеченное автономное размышление отдельного конкретного человека над явившимися ему смысложизненными вопросами. Философствование есть непрременный духовный запрос каждого мыслящего человека, тем более настоятельный, чем сложнее условия его социальной и интеллектуальной жизни.

Общее в позиции Межуева и Соловьева состоит в том, что в развитии философии сегодня явно просматривается тренд на все более тесную связь философии с отдельным человеком, с узким кругом читателей, знатоков или ценителей философских текстов. Об этом Межуев говорит скорее с сожалением, а Соловьев видит в этом возвращение к истинным целям философского просвещения в отличие от философского просветительства масс.

Позиция А. Рубцова мне гораздо ближе. Он считает, что идеологию от других институтов культуры и социума отличает не ее полезность или зловерность, а особенность функционирования в социокультурном пространстве и специфические цели, всегда соотносимые с функциями власти. Эта доминирующая функция дополняется остальными — адаптацией и мобилизацией, формированием и поддержанием образца, целеполаганием и целереализацией, генерированием, трансляцией и воспроизводством образцов культуры властвования, господством и подчинением. Помимо описательного и объяснительного компонента, оценок, формул и лозунгов, заключающих в себе эмоциональный заряд, призванный вызвать доверие к доктрине и веру в её представителей, в идеологии присутствует значительный нормативный слой — указания и предписания относительно того, как все должно быть, каким должен быть социальный мир.

Идеологическая ситуация, складывающаяся в России последнего времени, требует неклассических и максимально расширенных представлений об идеологии в самых разнообразных институциональных и дискурсивных ее формах, включая идеологию «теневую» и «латентную», реконструкции «идеологического бессознательного» по внешним, не зависящим от сознания объективациям, в т.ч. и ее всепроникающей, диффузной составляющей.

Я пытаюсь вычленил из всех аспектов практически действующей идеологии, на мой взгляд, один из самых главных. Публичная философия как идеология вмещает в себя ту совокупность наивысших, абсолютных ценностей, идеальных образцов, целей и жизненных смыслов, которые могли бы быть предъявлены в ходе постоянных дискурсивных практик всем политическим субъектам (акторам) с целью достижения общенационального согласия. На это в ближайшем будущем рассчитывать в нашей стране особенно не приходится, и потому решение этого вопроса требует от публичных философов интеллектуальной глубины четко заявленной гражданской позиции и, если хотите, политической воли и личного мужества.

Ю.М.: Владимир Николаевич! Только ближе к концу нашей беседы мне стали, наконец, ясны некоторые Ваши намерения. Пожалуй, только теперь я смогу высказать предположение о Вашем замысле. На самом деле Вы хотите сделать философию частью общественно-политического дискурса, осуществляемого по поводу определения приорите-

тов («оптимального вектора») общественного развития сегодняшней России. Конечно, я могу ошибаться в своей интерпретации Ваших намерений.

В своё время Э. Гидденс писал о том, что каждого человека должна быть своя «жизненная политика». Философия обращена не к массам, а к отдельным личностям. И, на мой взгляд, она может стать элементом онтологического проекта человека, который видит в философе эксперта, советчика и просто личность. Лечением же социальных патологий должны заниматься, на мой взгляд, социальные ученые и специалисты практики (например, публичные социологи и психологи). Честно говоря, я не верю в то, что философия может предложить стратегию или проект общенационального согласия или глобального примирения. Но она может предложить новую картину мира, в которую каждый человек будет (или не будет) вписывать свой жизненный проект.

Хотел бы услышать Ваш комментарий к моим рассуждениям о Вашем же предполагаемом замысле, который был облечен (опять же Вами и никем другим) в форму «публичной философии».

В.Н.: Мы пришли с Вами к определенному пониманию различных задач, стоящих перед философией. Философский плюрализм сохраняется в полной мере, когда философы озабочены проектом этико-социального совершенного общества. Это — отличительная черта любой сколько-нибудь завершенной философской системы. И здесь споры в среде академической философии как были, так и будут всегда.

Но при обращении к дискуссиям относительно перспектив развития российского общества философы вынуждены искать тот «прожиточный» минимум национальных ценностей, который обеспечивает национальное согласие и с которыми они могут и должны идти в общественные и, прежде всего, политические организации и добиваться того, чтобы через постоянные обсуждения между политически активной частью населения, в первую очередь, и политической властью было достигнуто согласие по поводу того, что объединяет общество в целом и как ему двигаться вперед. Стратегические цели национального развития, конечно, лежат за пределами профессиональной компетенции философов, здесь решающее слово за правящей политической элитой, хотя философы и могут быть привлечены в качестве консультантов и экспертов.

Теперь открою вам секрет, о котором я не решился сказать в своих опубликованных материалах. Публичный философ — это нечто сродни русской интеллигенции второй половины XIX в. — первых десятилетий XX в., которая занимала особую социально-политическую нишу между основной массой населения и властью. Было много сказано в последние десятилетия о смерти интеллигенции именно как о выразителе и защитнике интересов различных социальных слоев населения перед властью.

На самом деле никуда острее проблемы населения не делись. Политико-партийная система выстроена так, что многие социальные слои фактически надежных защитников и выразителей их интересов присутствуют на всех уровнях вертикали власти. И в этой ситуации публичная философия выдвигает в центр обсуждения вопросы культурно-цивилизационной матрицы российского общества.

Конечно, те ценности, которые, как скрепы, обеспечивают единство и целостность государства и общества, являются не только цивилизационными, о которых так много сказано в литературе, но и ценностями социальными. Созидание социального государства предполагает решение самых насущных проблем российского человека. Это означает, что экономика должна быть ориентирована не просто на прибыль, а на решение социальных проблем.

Социальное государство означает широкое участие масс населения в управлении государством, а не отчуждение их от политики и власти. Можно сказать, что речь идет о решении задач социалистического характера. Это, конечно, утопическая задача сегодня для нас, но ведь сказал когда-то один замечательный писатель, что утопии движут историей. Так что будем реалистами и будем стремиться к невозможному на сегодня.

Я понимаю ваше мнение о том, что философия обращена, прежде всего, не к массам, а к отдельным личностям. Оно созвучно позиции Э.М. Соловьева. Публичная философия и философия в публичном пространстве оказываются двумя сторонами одной медали. Если последняя главное внимание стремится уделять философскому просвещению, то публичная философия принимает активное участие в политических, культурных и иных дискурсах с целью достижения общенационального согласия, не забывая о том, что она апеллирует к сознательной гражданской и патриотической позиции каждого человека.

Основу гражданственности человека составляют чувство собственного достоинства, патриотизм, совесть, которые не позволяют ему мириться с унижениями, оскорблениями себя и других. Если говорить о борьбе за достойную жизнь человека, то сначала нужно, чтобы у человека появилось чувство собственного достоинства. Вопрос заключается не в том, чтобы сделать человека счастливым, а в том, как сделать так, чтобы он был достоин счастья и свободно мог осуществлять свой моральный или социальный выбор на пути к своему счастью. Если этого нет, то и дикаря, крестьянина, темного и забитого нуждой, занятого каждодневной борьбой за биологическое выживание, легко сделать счастливым. Но разве это решение проблемы жизни, достойной человека. Так что проблема человеческого счастья и достойной жизни оказывается самым тесным образом связана с проблемой гражданина. Это направление исследований, мне кажется, следует как-то отобразить и в Вашей концепции онтологического проекта человека.

Ю.М.: Хорошо. Постараюсь внести коррективы в свою концепцию. В заключении нашей беседы позвольте поблагодарить Вас за интересный и содержательный разговор. Надеюсь, мои «задиристые» вопросы не испортили Вам настроение, а наши читатели смогут сами разобраться во всём и выработать собственную позицию по обсуждаемой теме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М., Смирнов А.В. Философия в поисках смысла: рефлексия Иного и инаковости // Личность. Культура. Общество. – 2017. – Том XIX. – Вып. 3-4 (№№ 95-96). – С. 247-273.
2. Шевченко В.Н. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. – 2014. – № 1. – С. 5-18.
3. Шевченко В.Н. Публичная философия сегодня: между академической философией и идеологиями политических движений // Социально-исторические и идейные основы современного российского государства. – М.: ИФРАН, 2014. – С. 142-179.
3. Шевченко В.Н. От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 1 (14). – С. 40-45.

BIBLIOGRAPHY

1. Reznik Yu.M., Smirnov A.V. Filosofiya v poiskah smysla: refleksiya Inogo i inakovosti // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2017. – Tom XIX. – Vyp. 3-4 (№№ 95-96). – S. 247-273.
2. Shevchenko V.N. Zachem nuzhna obshchestvu publichnaya filosofiya? // Filosofskiy zhurnal. – 2014. – № 1. – S. 5-18.

3. Shevchenko V.N. Publichnaya filosofiya segodnya: mezhdru akademicheskoy filosofiey i ideologiyami politicheskikh dvizheniy // Socialno-istoricheskie i ideynye osnovy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva. – М.: IFRAN, 2014. – S. 142-179.

4. Shevchenko V.N. Ot obshchenatsionalnogo soglasiya k sovremennoy politicheskoy kulture: faktor publichnoy filosofii // Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kulturey. – 2014. – № 1 (14). – S. 40-45.

Примечания

1. Мне близка такая позиция, хотя я не избавился от очарования категории бытия. Должен признать, что в моей монографии «Феноменология человека: бытие возможного» (М., 2017) она встречается в тексте свыше 3000 раз. С категорией «осмысленность» связана другая категория – «действительность», которая сопряжена по смыслу с понятиями «деяния», «действия», «деятельность». Но всё это требует дальнейшей проработки.

2. См.: Философия в публичном пространстве современной России. Сборник материалов. – М.: ЛУМ, 2015. – 104 с.

3. Шевченко В.Н. Левое измерение современного российского общества // Альтернативы. – 2013. – № 1. – С. 61-74.

4. Никифоров А.Л. Существует ли мировая философия? // Вопросы философии. – 2017. – № 11. – С. 200-206.

Поступила в редакцию 29.11.2018 г. (№ 2312)